

РАЗВОД. НЕ ВСКРЫВАТЬ ДО СУДА

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

Павел Лимонов

Развод. Не вскрывать до суда

<https://litres.ru/74250874>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы с бывшим мужем пришли в суд, чтобы поставить последнюю точку в разводе, но вместо завершеного раздела имущества получили общий долг на сорок два миллиона. В запечатанном конверте лежит экспертное заключение с моей электронной подписью — документ, которого я никогда не составляла.

Кто-то воспользовался ключом, который по документам уничтожили одиннадцать месяцев назад. Теперь на кону моя профессиональная репутация, а Матвей рискует потерять контроль над компанией. Чтобы доказать подделку, нам придется действовать вместе: открыть старые архивы, признать собственные ошибки и выяснить, кто превратил наш развод в способ завладеть чужим бизнесом.

Я умею отличать настоящую подпись от поддельной. Гораздо труднее понять, можно ли снова доверять человеку, который однажды скрыл от меня долг. И способен ли он заслужить второй шанс не обещаниями, а поступками.

Содержание

ГЛАВА 1. Конверт	4
ГЛАВА 2. Чужая подпись	19
ГЛАВА 3. Правила доступа	34
ГЛАВА 4. Архивный номер	48
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Павел Лимонов

Развод. Не вскрывать до суда

ГЛАВА 1. Конверт

Мировое соглашение лежало в моей сумке в двух экземплярах, хотя Надежда отправила его в суд еще три дня назад. Я проверила подписи перед выходом из дома, потом в такси и в коридоре районного суда. Они были моими. Обе.

За двенадцать лет работы я привыкла не доверять памяти там, где можно проверить документ. В личной жизни этот навык оказался менее полезным: восемь лет брака не помещались ни в одну таблицу, а решение о разводе мы приняли так быстро, будто оба боялись дополнительного вопроса.

Матвей стоял у окна рядом с Ильей Нечаевым. Темный костюм, папка под рукой, телефон экраном вниз. Девять месяцев назад я знала, какую рубашку он выберет на важную встречу и сколько минут простоит под душем, если ночью почти не спал. Теперь я отметила только то, что он пришел раньше меня.

Надежда Павловна сняла очки и протерла их краем салфетки.

— Если Арсеньев не изменил позицию, сегодня все закончится, — сказала она. — Суд проверит условия, задаст несколько вопросов и утвердит соглашение.

— Он не изменил.

Матвей услышал. Расстояние между нами было небольшим, а коридор пустовал после начала утренних заседаний.

— Не изменил, — подтвердил он.

За последние месяцы мы научились разговаривать существительными: лофт, счета, машина, оценка, срок продажи. Глаголы требовали признать, кто что сделал, поэтому их оставляли юристам.

Я подошла ближе.

— В пункте семь осталась дата передачи ключей от лофта. Четыре месяца после утверждения.

— Видел.

— И согласен?

— Я подписал проект, Агния.

Он произнес мое имя без упрека, но я услышала напоминание: подпись ставят после решения. Мы оба когда-то нарушили эту последовательность.

Илья кивнул мне и Надежде.

— У нас замечаний нет. После утверждения подаем документы оценщику и начинаем продажу.

— Сначала получаем определение, — поправила Надежда. — Потом начинаем.

— Именно поэтому я не веду семейные споры.

Он попытался улыбнуться, но Надежда уже открыла папку. Илья убрал улыбку вместе с телефоном.

Секретарь вышла из зала через пять минут и назвала наши фамилии. За ней в коридор шагнул незнакомый мужчина с кожаным портфелем. Он был лет сорока пяти, в хорошем, слишком легком для октября пальто. На лацкане темнела капля дождя. Мужчина сверился с экраном телефона и подошел к Илье.

— Представитель «Ресурс Плюс», — сказал он. — Савин Григорий Павлович. Я направлял ходатайство о вступлении в дело.

Илья не взял протянутую визитку.

— В какое дело?

Савин посмотрел на меня, затем на Матвея. Он определил супругов по расстановке людей, хотя супругами мы уже не были.

— О разделе имущества Арсеньевых. У моего доверителя имеются самостоятельные требования, связанные с общим обязательством сторон.

— У нас нет общего обязательства, — сказала я.

Савин открыл портфель.

— Суд разберется. Копии для участников.

Он передал Надежде плотный конверт, заклеенный широкой прозрачной лентой. На лицевой стороне стояли номер дела, наши фамилии и красная отметка: «Приложения. Вскрыть в судебном заседании».

— Копии обычно не запечатывают, — заметила Надежда.

— Внутри электронный носитель и оригинал заключения специалиста. Я предпочитаю исключить претензии к упаковке.

— Оригинал вы передадите суду, а не нам.

— Суд получил свой пакет вчера.

Матвей смотрел на название компании внизу конверта.

— Я не знаю «Ресурс Плюс».

— Право требования приобретено у «Фортис Капитал» три недели назад, — ответил Савин. — Вам направлялось уведомление.

— По адресу регистрации компании?

— По адресам всех обязанных лиц.

Он снова посмотрел на меня. На этот раз намеренно.

Секретарь попросила нас войти. Надежда сунула конверт в свою папку, не нарушив ленту. Я пошла за ней и успела заметить, что Матвей задал Илье короткий вопрос. Тот отрицательно качнул головой.

Зал был небольшим: стол судьи, два ряда скамеек, герб на стене. Я бывала в судах как эксперт и знала, где садиться, когда вставать, как отвечать без лишнего объяснения. В собственном деле все знакомые действия требовали отдельного усилия.

Судья уточнила личности и полномочия представителей. Савин заявил ходатайство. Он говорил спокойно, без нажима, перечисляя даты и суммы.

Двадцать четвертого марта, когда мы с Матвеем еще состояли в браке, он получил заем. Позднее стороны подписали дополнительное соглашение. Общая сумма обязательства составила сорок два миллиона рублей. Я признала себя созаемщиком и подтвердила, что деньги использованы в интересах семьи. После расторжения брака мы попытались разделить имущество без учета долга, чем нарушили права кредитора.

Я слушала и записывала цифры. Это помогало не перебить.

Двадцать четыре миллиона я знала. Именно с этой суммы начался наш последний семейный разговор. О сорока двух слышала впервые.

— Мы возражаем против вступления, — сказала Надежда, когда судья дала ей слово. — Представленные требования рассматриваются в другом производстве. Кроме того, моя доверительница отрицает подписание каких-либо документов по займу.

— Подпись подтверждена заключением специалиста, — ответил Савин.

— Чьим?

Он назвал меня полностью.

Сначала я решила, что ослышалась. В протоколе нельзя исправить услышанное, но можно попросить повторить.

— Назовите автора заключения еще раз, пожалуйста.

Савин повернулся ко мне.

— Левицкая Агния Дмитриевна, эксперт лаборатории «Версия». Электронный документ подписан квалифицированной подписью. Бумажная копия удостоверена.

Матвей подался вперед, но Илья положил ладонь на край его папки. Хороший юрист не удерживает клиента за рукав. Он показывает границу, которую тот еще может не перейти.

— Я не составляла такого заключения, — сказала я судье.
— Материалы займа не поступали в лабораторию «Версия», подпись Матвея Арсеньева по ним я не исследовала. Прошу занести мое заявление в протокол.

— Вы отрицаете принадлежность электронной подписи?

— Пока я не видела файл и сведения сертификата. Авторство заключения отрицаю однозначно.

Савин не возражал. Его спокойствие было рассчитано на человека, который уже положил нужный предмет на стол и мог ждать чужой реакции.

Судья объявила перерыв и разрешила сторонам ознакомиться с копиями. В коридоре Надежда сфотографировала конверт со всех сторон, записала время и только потом разрежала край. Внутри лежали прошитые листы, оптический диск в бумажном кармане и накопитель с номерной наклейкой.

Я не прикоснулась к бумаге.

— Нужен отдельный компьютер без доступа к нашей сети, — сказала я.

— У меня есть чистый ноутбук для материалов дела, —

ответила Надежда. — Но сначала опись.

Илья встал рядом, сверяя номера страниц. Матвей находился за его плечом. Он молчал до тех пор, пока мы не дошли до дополнительного соглашения.

— Моя подпись похожа, — сказал он.

— Похожесть ничего не доказывает.

— Я знаю.

— Раньше тебя это не останавливало.

Надежда подняла голову.

— Личные итоги отложите. Сейчас у нас двадцать минут.

Я заставила себя вернуться к листам. Сумма, срок, проценты, подписи. Моя фамилия стояла в строке «созаемщик». Роспись повторяла мой обычный росчерк, но была слишком удобной для чужого глаза: все признаки, по которым меня узнавали, собраны вместе. Я видела это на копии и не имела права делать вывод об оригинале.

Последним шло заключение специалиста. Двенадцать страниц, таблица признаков, иллюстрации, вывод о том, что подпись Матвея выполнена им самим. Формулировки были грамотными. Автор знал, как выглядит наша работа.

Под текстом стояла моя фамилия.

— Файл, — попросила я.

Надежда включила ноутбук, отключила беспроводные соединения и вставила накопитель. Я открыла каталог, не запуская неизвестных программ. Электронное заключение имело расширение PDF и отдельный файл подписи. Прове-

рочная программа была установлена заранее.

— Запускайте вы, — сказала я Надежде. — Я сторона по делу.

Она выбрала проверку. На экране появились дата, время, удостоверяющий центр и серийный номер сертификата.

Подпись была действительной на момент создания.

Владелец: Левицкая Агния Дмитриевна.

— Это твой сертификат? — спросил Матвей.

Я прочитала номер второй раз. Ошибки не было.

— Был моим.

— Что значит «был»?

— Срок истек. Потом мне выдали новый.

— Кто мог им воспользоваться?

— Тот, у кого был ключевой носитель и PIN-код.

— Где носитель?

Я закрыла сведения сертификата. Перед глазами стоял номер, который я внесла в акт утилизации одиннадцать месяцев назад.

— Уничтожен.

Надежда не стала задавать следующий вопрос. Она знала ответ раньше Матвея.

Если этим ключом подписали документ после даты уничтожения, носитель не уничтожили.

В зал нас вызвали через три минуты. Надежда заявила совместное ходатайство об отложении утверждения мирового соглашения. Илья поддержал. Мы не признавали долг и

просили время для подготовки возражений, получения электронных сведений и решения вопроса об экспертизе.

Савин сказал, что кредитор не возражает против короткого перерыва. Ему было выгодно время, и он даже не пытался это скрыть.

Суд отложил заседание. Мое заявление о том, что заключение я не составляла, внесли в протокол.

В коридоре Надежда попросила секретаря выдать копию протокольного определения и разрешение на фотографирование материалов. Савин остался у двери зала. Он разговаривал с кем-то по телефону и называл нашу просьбу о перерыве ожидаемой. Услышав шаги, он закончил разговор.

— Агния Дмитриевна, я понимаю вашу реакцию, — сказал он. — Но рекомендую не делать заявлений о преступлении до исследования документов.

— Моя доверительница сама решит, какие заявления необходимы, — ответила Надежда.

— Я обращаюсь к специалисту. Она знает, что действительная электронная подпись имеет последствия.

— И знает, что сертификат не доказывает личность пользователя, — сказала я. — Кто передал вам накопитель с файлами?

Савин чуть повернул портфель, закрывая замок ладонью.

— Материалы получил кредитор при уступке.

— В каком виде?

— Бумажный пакет и электронный архив.

— От «Фортис Капитал»?

— Это будет указано в отзыве на ваши возражения.

— Кто удостоверил копию заключения?

— На последней странице есть отметка.

Отметка принадлежала не лаборатории. Неизвестный сотрудник «Фортис Капитал» написал, что копия верна, хотя оригинал профессионального заключения должен был храниться у заказчика или исполнителя. Савин понимал вопрос и уходил от источника файла.

— Вы видели оригинал моего заключения? — спросила я.

— Я видел то, что передал доверитель.

— Это не ответ.

— В суде отвечают на вопросы суда.

Он попрощался с Надеждой и отошел к лестнице.

Матвей наблюдал за разговором рядом с Ильей. Когда Савин скрылся, он спросил:

— Ты можешь по копии понять, чья подпись под соглашением?

— Могу увидеть признаки. Вывод делать не буду.

— Даже для нас?

— Особенно для нас. Я участник дела и бывшая жена человека, чью подпись исследуют. Любое мое заключение даст Савину основание говорить о заинтересованности.

— Мне нужен не документ. Твое мнение.

— Мнение эксперта без исследования превращается в удобную реплику. Ты уже один раз получил удобный отчет.

Матвей понял, о чем я говорила. Два года назад я пыталась предупредить его, что подписи в актах одного субподрядчика заслуживают отдельной проверки. Он заказал внутренний отчет и через неделю сказал, что нарушений нет. На этом разговор закончился, а через несколько месяцев вместе с ним закончился наш брак.

— Сейчас я спрашиваю иначе, — сказал он.

— А отвечаю я так же: нужны оригиналы и независимый эксперт.

Илья вмешался до того, как личный спор вытеснил дело.

— Нужны еще действительный договор, платежи и документы уступки. Матвей, я поеду в офис и опечатаю папку до внутренней проверки.

— Вадим должен присутствовать?

— Нет. Финансовый директор не сторона договора. Сначала ограничим доступ к архиву и снимем копию журнала.

— Ты подозреваешь Вадима? — спросил Матвей.

— Я подозреваю, что после сегодняшнего все начнут исправлять собственные записи. Это обычный риск.

Матвей позвонил в службу безопасности. Он не произнес ни моей фамилии, ни слова «подделка». Попросил сохранить записи доступа к финансовому архиву, запретить выдачу папки по займу без двух подписей и сделать резервную копию журнала. После разговора переслал распоряжение Илье.

— Этого достаточно? — спросил он.

— Для вашей компании решаете вы, — сказала Надежда.

— Агния не будет руководить внутренним расследованием.

Мне хотелось потребовать немедленно заблокировать Вадима, проверить его компьютер и найти документы уступки. Я знала, сколько следов можно потерять за один день. Но знала и другое: подозрение не давало мне полномочий войти в чужой офис и распоряжаться там.

Секретарь принесла определение. Рассмотрение раздела имущества откладывалось на три недели. До следующего заседания стороны могли представить возражения кредитора, сведения о другом деле и ходатайства об экспертизе. Наше готовое мировое соглашение оставалось в материалах без утверждения.

— Значит, лофт пока общий, — сказал Матвей.

— И расходы на него тоже, — ответила я.

— Оплачу октябрь по прежней схеме.

— Поровну.

— Ты не пользовалась помещением с января.

— Ты тоже. Мы оба согласились продавать.

Надежда закрыла папку.

— Обсуждение расходов продолжите письменно. Сейчас нужно решить, кто и когда получает копии.

Мы составили короткую опись прямо на подоконнике. Накопитель оставался в материалах суда. Надежда сохранила рабочие копии на отдельный диск и передала один экземпляр Илье под расписку. Бумажные листы фотографировали по очереди, чтобы никто не держал их вне поля зрения

остальных.

На странице с моим заключением я заметила номер дела. Формат соответствовал старой системе лаборатории: две буквы, год и четыре цифры. Такого номера в моей памяти не было, но памяти я не доверяла.

— Снимите крупно верхний колонтитул, — попросила я.

— Нашла что-то? — спросил Матвей.

— Формат похож на наш. Проверим реестр.

— Сегодня?

— После регистрации сообщения о компрометации.

Матвей начал было задавать еще один вопрос, но остановился. Вместо этого попросил Илью внести в опись номер дела. Разница была небольшой: он не вытягивал вывод раньше проверки.

Надежда отправила меня в канцелярию за заверенной копией моего заявления. Пока я ждала, из соседнего зала вышла пожилая пара. Мужчина нес две папки, женщина объясняла ему, где поставить подпись. Они спорили о доверенности, не понижая голос. Я подумала, что еще утром считала наш спор законченным и знала, какие ключи передам Матвею через четыре месяца.

Теперь у нас появился долг, которого я не брала, заключение, которого не писала, и сертификат, который должен был быть уничтожен. Ни один пункт нельзя было исправить договоренностью в коридоре.

Заверенную копию выдали через двадцать минут. Надеж-

да проверила печать и вложила лист в отдельный файл.

На крыльце Матвей остановил меня одним словом:

— Подожди.

Я повернулась. Дождь был мелким, и люди поднимали воротники, пока искали машины. Надежда стояла рядом, не вмешиваясь.

— Давай сначала выясним, что произошло, — сказал Матвей. — Без заявлений, которые потом разойдутся по клиентам и прессе. Илья найдет людей, проверит кредитора. Я закрою вопрос с обеспечением.

Год назад я услышала бы в этих словах готовность отвечать за нас. Теперь услышала порядок, в котором мое решение снова стояло после его действий.

— Я сообщу удостоверяющему центру сегодня. Тамара узнает через час. Суд уже знает.

— Ты понимаешь, чем это грозит лаборатории?

— Лучше тебя.

— Тогда зачем торопиться?

— Потому что мой ключ использовали для подделки. Законный порядок начинается с сообщения о компрометации, а не с твоей внутренней проверки.

Он замолчал, посмотрел на Надежду и вернулся ко мне.

— Хорошо. Делай как считаешь правильным.

— Я и сделаю.

Раньше такая фраза заканчивала наши разговоры. В этот раз Матвей не ушел.

— И пришли мне номер сертификата, — добавил он. —

Я подниму доступы к архиву.

— Через Илью и Надежду.

— Через них.

Он принял условие сразу. Это не исправляло ничего, но я отметила факт.

В такси я открыла фотографию экрана и снова проверила номер. Старый токен значился в нашем реестре как уничтоженный во время переезда лаборатории. Под актом стояли две подписи: моя и администратора Лады Князевой.

Номер на экране совпадал до последней цифры.

Значит, я поставила подпись под действием, которого никто не выполнил.

ГЛАВА 2. Чужая подпись

Тамара Ильинична выслушала меня, не сняв пальто. Она приехала в лабораторию через сорок минут после моего сообщения, прошла в переговорную и положила на стол ключи от машины. Обычно она сначала обходила кабинеты, проверяла температурный журнал в хранилище и только потом занималась людьми. Сегодня порядок изменился.

Я рассказала о заседании от начала до конца. Не сократила разговор с Матвеем и не смягчила свою фразу об уничтоженном носителе.

Тамара открыла реестр сертификатов на служебном компьютере.

— Номер?

Я продиктовала.

Она нашла строку, сверила дату выдачи и срок действия.

— Этот токен был в старом офисе.

— Да.

— Акт утилизации?

— Подписан мной и Ладой двадцать второго ноября.

Файл, который представили в суде, подписан двадцать четвертого ноября в девятнадцать четырнадцать.

— Через два дня.

— Через два дня.

Тамара закрыла реестр и посмотрела на меня поверх экра-

на.

— Ты присутствовала при уничтожении?

Ответ я знала. Произнесение не делало его хуже, только точнее.

— Нет. Мы сдавали технику в пятницу, я была в суде по делу Никулина. Лада прислала скан акта. В понедельник я подписала бумажный экземпляр.

— На каком основании?

— Я доверяла ее отчету.

— Это объяснение для меня. Для внешней проверки будет нарушение порядка.

— Я понимаю.

— Хорошо, что понимаешь. Плохо, что понимаешь сегодня.

Тамара не повышала голос. За семнадцать лет экспертной работы она привыкла отделять отношение к человеку от оценки его действий. Именно поэтому я позвонила ей первой.

— Сертификат истек четыре месяца назад, — продолжила она. — Прекращать уже нечего.

— Нужно зарегистрировать компрометацию и запросить историю проверки. Пока данные не потерялись.

— Звони при мне.

Я подключила ноутбук к экрану переговорной и открыла страницу удостоверяющего центра. Специалист ответил после двух переводов между отделами. Я назвала сертификат,

дату спорной подписи и номер судебного дела. Он объяснил то, что я знала сама: истекший сертификат нельзя отозвать задним числом, но сообщение о компрометации зарегистрируют, а сведения о его статусе на дату подписания предоставят по официальному запросу.

— У вас есть основания полагать, что ключевой носитель утрачен? — спросил он.

— Да. По внутреннему акту он уничтожен, однако подпись создана после даты акта.

— Вы передавали носитель или PIN-код третьим лицам? Я посмотрела на Тамару.

— PIN-код был известен администратору, которая отвечала за отправку части электронных материалов во время переезда.

Специалист выдержал короткую паузу, записывая.

— Физический ключ на защищенном носителе не копируется обычным способом. Для создания подписи нужен сам носитель и код доступа. Я регистрирую обращение. Номер придет на электронную почту.

Он перечислил документы для запроса. Я записала, поблагодарила и завершила связь.

Тамара сняла пальто.

— Теперь о лаборатории. До выяснения обстоятельств ты не подписываешь электронные заключения.

Я ожидала этого и все равно почувствовала обиду. Не на Тамару. На собственную подпись под актом, которую раньше

считала обычной частью переезда.

— Согласна.

— Работу по текущим материалам продолжаешь, выводы проверяет второй эксперт, подписываю я. По новым назначениям, где указана лично ты, решаем отдельно.

— Клиентам сообщаем?

— Тем, чьи материалы могли проходить через старый ключ. И двум крупным заказчикам, которые сейчас ждут электронные документы. Остальным после консультации с юристом.

— Я оплачу внешний аудит.

— Доля расходов будет предметом решения участников. Не покупай себе право отвечать одной.

Фраза попала точнее, чем Тамара могла предполагать. Я отвела взгляд к стеклянной стене переговорной. За ней сотрудники работали в обычном режиме. Павел настраивал камеру для съемки, Марина сверяла образцы, новый администратор принимала курьера. Пока никто не знал, что один старый носитель способен поставить под сомнение порядок, которым мы гордились.

— Сначала поднимем архив переезда, — сказала я.

— Вместе.

Мы спустились в хранилище. Электронная система фиксировала время и наши карты доступа. Тамара достала папку административных документов за прошлый ноябрь. Переезд занял девять дней, и бумаг осталось больше, чем от некото-

рых экспертиз: описи техники, акты упаковки, пропуска подрядчиков, счета, журналы выдачи коробок.

Акт утилизации лежал в разделе «Ключевые носители». На первой странице стояли номера трех токенов. Два принадлежали бывшим сотрудникам, третий был мой.

В графе «способ уничтожения» значилось: механическое повреждение корпуса и микросхемы в присутствии комиссии.

Комиссия состояла из меня и Лады.

Я провела пальцем вдоль строки, не касаясь подписи.

— Я не была здесь в этот день.

— Значит, акт содержит ложное сведение, которое ты удостоверила.

— Да.

На обороте должна была находиться фотография уничтоженных носителей. Скрепка была, листа не было.

Тамара проверила нумерацию.

— В описи приложение указано.

— В электронном архиве может сохраниться скан.

Мы поднялись в кабинет администратора. Новая сотрудница уступила мне компьютер и принесла резервный диск. Поиск по номеру акта дал PDF из двух страниц. На второй находилась фотография трех черных фрагментов рядом с бумажной табличкой. Серийных номеров не было видно.

— Этого недостаточно даже для нашей внутренней проверки, — сказала Тамара.

— Но я приняла.

Я открыла свойства файла. Скан создали двадцать второго ноября в шестнадцать сорок восемь на многофункциональном устройстве старого офиса. Автором значилась учетная запись Лады.

— Письма, — попросила Тамара.

Мы нашли цепочку. Лада отправила мне акт в пятницу вечером. Я ответила в понедельник утром: «Принято. Подпишу бумагу сегодня». Никаких вопросов о фотографии, членах комиссии или времени уничтожения.

В тот понедельник у меня было заседание, два срочных заключения и встреча с арендодателем. Это объясняло спешку, но не меняло решения.

Телефон завибрировал. Письмо от удостоверяющего центра содержало номер обращения. Следом пришло сообщение от Надежды: «Савин направил отдельный иск. Требуют обеспечительные меры на лофт и счета. Перезвоню через десять минут».

Тамара прочитала по моему лицу только то, что можно было увидеть.

— Суд?

— Отдельный иск и меры.

— Имущество?

— Лофт и счета.

— Твоя квартира?

— Добрачная. В требованиях ее быть не должно.

— Не должно и не будет — разные формулировки. Звони юристу.

Надежда объяснила коротко. Кредитор просил запретить регистрационные действия с лофтом, ограничить распоряжение частью средств и привлечь нас обоих как созаемщиков. Суд еще не рассмотрел заявление. У нас было время подать возражения и сведения о подложности.

— Нужен оригинал действительного договора, — сказала она. — Не копия из пакета. И банковская выписка. Арсеньев передаст через своего юриста.

— Он говорил о двадцати четырех миллионах.

— Говорить он может все что угодно. Мне нужен документ.

После звонка я написала Илье в общий чат юристов. Ответ пришел от Матвея лично: файл договора, выписка о зачислении двадцати четырех миллионов и короткая строка: «Оригиналы у Ильи. Дополнительного соглашения я не подписывал».

Я открыла договор только после того, как сохранила письмо и зафиксировала хэш файла для рабочего журнала. Заем был личным. Дата совпадала с тем банковским уведомлением, которое полтора года назад пришло на наш общий почтовый адрес. В приложении стоял график платежей. Последний срок истекал через шесть недель.

Ни слова об исполнении.

Я набрала Матвея.

— Ты погасил этот заем?

— Не полностью.

— Сколько осталось?

— Это нужно обсуждать с юристами.

— Значит, достаточно, чтобы ты не назвал сумму по телефону.

— Агния, я прислал действительные документы. Остаток и план выплат получишь сегодня.

— План меня сейчас не интересует. Меня интересует факт, который ты снова собирался сообщить после подготовки решения.

— Я не собирался скрывать.

— Ты уже скрывал. Девять месяцев после развода.

— Наше соглашение не распределяет мой личный долг.

— Поддельное соглашение делает меня созаемщиком. Теперь твой личный долг касается меня прямо.

На линии стало слышно, как кто-то открыл дверь в его кабинете. Матвей попросил подождать, сказал вошедшему, что занят, и продолжил:

— Я пришлю остаток через час. Без плана, если тебе так проще.

— Не проще. Точнее.

— Хорошо. Точную сумму.

— И все контакты с новым кредитором.

— Их не было до сегодняшнего дня.

— Зафиксируй это письменно для юристов.

Он выдохнул, но не спорил.

— Зафиксирую.

Я завершила разговор и обнаружила Тамару в дверях. Она держала два листа.

— Прежде чем отправлять письма, собираем участников, — сказала она. — Ты, я и Павел. Марину вызовем после обеда, если понадобится проверять ее сертификаты.

Лаборатория принадлежала нам троим. У Тамары было пятьдесят два процента, у меня тридцать, у Павла восемнадцать. Тамара управляла работой, я отвечала за почерковедческие исследования, Павел — за техническое направление. Ни одна доля не давала права скрыть риск от остальных.

Павел пришел из съемочной комнаты в защитных перчатках и снял их только после того, как закрыл дверь переговорной.

— Что случилось?

Я положила перед ним копию сведений сертификата, акт и фотографию фрагментов.

— Старым ключом подписано заключение по чужому делу. В суде оно представлено как мое. Носитель проходит у нас уничтоженным.

Павел прочитал номер.

— Проверка подписи успешная?

— На дату файла сертификат действовал.

— Закрытая часть ключа не копируется обычным способом. Значит, сохранился носитель или у нас проблема дру-

того уровня.

— Исходим из физического носителя, пока техническая проверка не покажет иное, — сказала Тамара.

— Где оригинал?

— В суде. Я его не исследую.

Павел посмотрел на меня.

— Даже внутренне?

— Даже внутренне. Можем проверять свой порядок и свои журналы. Спорный документ уйдет независимым экспертам.

Он перечитал акт.

— Здесь твоя подпись.

— Да. При уничтожении я не присутствовала.

Павел не стал смягчать реакцию.

— Это серьезно.

— Поэтому вы узнаете сейчас.

Тамара вывела на экран план проверки. Мы должны были установить все активные и списанные сертификаты, сопоставить отправленные файлы, сохранить почту и журналы, уведомить удостоверяющий центр и страховщика профессиональной ответственности. Сотрудникам запрещалось удалять переписку и самостоятельно связываться с Ладой.

— Почему с Ладой нельзя? — спросил Павел.

— Потому что мы пока не знаем ее роль, — ответила я.

— Давление уничтожит шанс получить точный рассказ. Контакт пойдет через юриста.

— Она знала код?

— Знала. Я сообщила.

Павел отодвинул акт.

— В нашем положении можно было не начинать с этой детали.

— Через два часа ее найдет аудитор. Тогда вопрос будет не только в коде, но и в том, почему я промолчала на собрании.

Тамара поддержала меня не словами, а порядком голосования. Мы единогласно утвердили внешний аудит и временное двойное согласование электронных документов. Мои текущие исследования не останавливались, но до проверки их подписывал второй эксперт. Дополнительные расходы оценили в двести сорок тысяч за первый месяц.

— Источник оплаты? — спросил Павел.

— Резерв, — ответила Тамара. — Потом решим, есть ли страховое покрытие и личная ответственность.

— Я внесу свою часть, — сказала я.

— После заключения аудитора, — остановила она. — Сейчас ты не назначаешь себе штраф и не освобождаешь компанию от собственной обязанности контролировать администратора.

Решение не снимало моей вины. Оно распределяло работу между людьми, у которых были полномочия.

Новый администратор принес журнал выдачи действующих токенов. Мы проверили каждый номер, вскрыли сейф с резервными носителями и составили новую опись. Два клю-

ча находились у экспертов, которые в тот день работали в судах; они прислали фотографии номеров и подтвердили получение по видеосвязи. Еще один лежал у Тамары в банковской ячейке для аварийного доступа. К полудню все действующие носители были учтены.

Списанные представляли более сложную задачу. За три года мы уничтожили одиннадцать ключей. В четырех актах фотографии не позволяли прочесть номера. Три акта подписывала комиссия без меня. В одном, спорном, я значилась присутствующей.

— Проверяем историю всех одиннадцати, — сказала Тамара.

— Это увеличит стоимость, — заметил Павел.

— Увеличит. Случай с Агнией показывает дефект порядка, а не только одного человека.

Я открыла форму уведомления страховщику. В поле «предполагаемый ущерб» нельзя было написать сорок два миллиона: требование кредитора еще не означало убыток лаборатории. Указала неизвестную сумму и приложила номер судебного дела.

Затем мы вызвали сотрудников по одному. Я сообщала одинаковую информацию: обнаружено использование старого сертификата, идет проверка, документы и переписку сохранять, внешние вопросы передавать Тамаре. Никого не просила подтвердить мою непричастность.

Марина спросила:

— Наши заключения могут признать недействительными?

— Само нарушение хранения не отменяет документы. Но заказчики вправе запросить проверку конкретных файлов.

— Ты знаешь, сколько их было за год?

— Сто восемьдесят семь по всей лаборатории. Моих — шестьдесят четыре.

— И кто их будет проверять?

— Внешний аудитор сверит историю подписания. Содержательную перепроверку проводим там, где появится аномалия или запрос клиента.

Марина записала номер горячей линии аудитора. Ее интересовала работа, а не мое состояние. Это помогало больше сочувствия.

Когда сотрудники вышли, я попробовала найти Ладу в старом корпоративном мессенджере. Учетную запись удалили после увольнения, архив сохранил только рабочие сообщения. Последняя переписка касалась передачи пропуска и компенсации за неиспользованный отпуск. Никакой ссоры, угрозы или просьбы сохранить носитель.

Тамара просмотрела кадровые документы.

— Она ушла сама. Написала, что получила предложение с гибким графиком.

— Мы проверяли работодателя?

— Нет. Для увольнения это не требовалось.

— Телефон прежний?

— Звонить не будем. Передаем Надежде.

Я отправила контакты юристу. Через пять минут Надежда ответила, что сначала направит официальное письмо и предложит встречу с возможностью прийти со своим представителем.

Только после этого Тамара вернулась к двум письмам заказчикам.

— Письма заказчикам. Прочитай.

Первый заказчик был банком, второй — крупной юридической фирмой. Оба регулярно направляли нам материалы и приносили почти треть выручки. Мы сообщали о внутренней проверке одного старого сертификата, временном изменении порядка подписания и отсутствии установленных нарушений по их делам.

— Отправляем сегодня? — спросила я.

— Сегодня. Если они узнают от третьих лиц, ущерб будет больше.

Я внесла две правки, убрав успокоительные формулировки, которые не могла доказать. Тамара одобрила и подписала письма.

Ответ банка пришел через двадцать минут: новые поручения приостанавливаются до завершения проверки. Юридическая фирма запросила полный перечень сертификатов и заключений за спорный период.

Я открыла финансовую таблицу лаборатории. Приостановка банка означала потерю примерно ста восьмидесяти

тысяч выручки в ближайший месяц. Если юридическая фирма последует за ним, сумма удвоится.

— Я переживу, — сказала я скорее себе, чем Тамаре.

— Ты переживешь. Вопрос, что будет с компанией и людьми. Поэтому проверяем порядок, а не только твою вину.

Мы вернулись к архивной папке. В журнале ключей стояли фамилии сотрудников, имевших доступ к носителям. Моя. Тамары. Лады.

PIN-коды в журнал не вносили, но в листе передачи электронных дел находилась примечательная строка: «Администратор Л. Князева уполномочена выполнять техническую отправку по указанию эксперта».

Я вспомнила день, когда продиктовала Ладе код. Мне нужно было успеть в суд, файл уже проверили, а клиент требовал получить заключение до полудня. Я позвонила из такси и сказала четыре цифры. Потом собиралась сменить код. Собиралась.

Матвей прислал остаток долга: одиннадцать миллионов восемьсот тысяч рублей без учета процентов. Следом приложил список контактов. В нем значились два письма от прежнего кредитора и ни одного от «Ресурс Плюс».

Я переслала материалы Надежде и вернулась к списку сотрудников.

Кроме меня, PIN-код знала Лада Князева. Она уволилась через девять дней после переезда.

ГЛАВА 3. Правила доступа

На встречу с юристами я приехала на метро. Матвей предложил прислать машину, и я ответила одним словом: «Нет». Он не спросил почему.

Переговорную Надежда сняла в деловом центре на два часа. Нейтральное место стоило девять тысяч рублей, имело отдельный вход для посетителей и не принадлежало никому из нас. Раньше я посчитала бы расход излишним. Теперь внесла половину суммы до встречи.

Матвей пришел вместе с Ильей. На столе перед ним лежала папка действительного займа. Я села напротив, Надежда заняла место рядом. Расположение выглядело как подготовка к спору, которым оно и было.

— Начнем с дел, — сказала Надежда. — Их два. В первом вы делите имущество. Во втором «Ресурс Плюс» требует признать обязательство на сорок два миллиона и просит обеспечить иск. Попытка объединить все в один разговор создаст признания, которые потом придется объяснять суду.

Илья положил перед ней копию возражений.

— Мы не признаем дополнительное соглашение и общую сумму. Действительный заем — двадцать четыре миллиона. Получатель — Матвей Романович. Деньги перечислены на его личный счет и в тот же день внесены в компанию.

— Остаток одиннадцать миллионов восемьсот тысяч, —

сказала я.

Матвей встретил мой взгляд.

— На вчерашний день.

— Почему срок подходит через шесть недель, если по исходному графику большая часть должна быть закрыта?

— Два платежа перенесли по дополнительным письмам с прежним кредитором, — ответил Илья. — Письма действительные. Их нет в пакете «Ресурс Плюс», мы запросили подтверждение у «Фортис Капитал».

Надежда пролистала приложения.

— Перенос платежа не превращает Левицкую в созаемщика. Но кредитор будет доказывать, что она одобрила долг и деньги пошли на семью.

— Они пошли в «Северную линию», — сказал Матвей.

— Для этого нужны банковские выписки и бухгалтерские документы компании. Не ваш рассказ.

— Илья готовит.

— Когда будут?

— До конца дня.

Надежда поставила пометку в блокноте.

— Теперь мое любимое: обеспечительные меры. Они просят запрет на распоряжение лофтом и ограничение операций по счетам в пределах суммы. Добрачная квартира Агнии в перечне не указана. Пока. Мы подаем возражения, документы о происхождении имущества и заявление о подложности.

— Расходы по защите я возьму на себя, — сказал Матвей.

Илья повернул к нему голову. Судя по движению, эта фраза не входила в их подготовленный порядок.

— Нет, — ответила я.

— Иск возник из-за моего займа.

— Иск предъявлен и ко мне. Моего юриста оплачиваю я.

— Агния, речь может идти о нескольких сотнях тысяч.

— У меня есть деньги.

— Я не ставлю под сомнение твой доход.

— Тогда не предлагай оплату второй раз.

Матвей перевел взгляд на Надежду.

— Взнос за общую экспертизу?

— Каждый вносит свою часть, — сказала она. — Если суд определит иначе, исполним определение. Личные расходы раздельные.

— Принято.

Он произнес это без демонстративного вздоха и без обещания вернуться к вопросу. Я записала результат рядом с суммой долга. Отдельно от чувств, которых в таблице не было.

Илья открыл следующий раздел.

— Право требования передано «Ресурс Плюс» шестнадцатого сентября. Цена уступки в документах закрыта коммерческой тайной, но ее истребует суд. Уведомление Матвею Романовичу отправлено на юридический адрес двадцатого сентября.

— Получатель? — спросила я.

— Финансовый отдел компании. Входящий номер есть. В карточке указано, что письмо передано Вадиму Карелину.

Матвей не изменил позы.

— Мне не докладывали.

— Вы запросили журнал? — спросила Надежда.

— Да. Оригинал уведомления нашли вчера в папке по займу.

— Три недели оно лежало у вашего финансового директора, пока вы готовили мировое соглашение о разделе имущества, — подвела я.

— Получается так.

— И ты не знал.

— Не знал.

— Вы двое можете выяснить отношения после того, как мы установим правила обмена, — вмешалась Надежда. — Сейчас я хочу, чтобы незнание не использовали как универсальный ответ.

Она достала лист с заголовком «Порядок совместной работы». Я составила проект накануне и отправила ей ночью. Надежда превратила мои пункты в документ, который можно было приложить к переписке юристов.

— Первое, — начала она. — У каждого остается свой представитель. Илья защищает Арсеньева и компанию, я защищаю Левицкую. Совместная позиция возможна только в части отрицания подложных документов.

— Согласен, — сказал Матвей.

— Второе. Создаем защищенный каталог копий. У каждого файла указываются источник, дата получения и лицо, передавшее материал. Оригиналы не перемещаются без акта.

Илья кивнул.

— Третье. Агния не исследует спорные документы и не дает заключений для собственного дела. Ее профессиональные замечания имеют статус рабочей гипотезы до независимой проверки.

— Это важно для всех, — сказала я. — Если кто-то напишет в письме «Агния установила подделку», я прекращу доступ.

— Записано, — ответил Илья.

— Четвертое. Расходы отдельные. Пятое. Любой контакт кредитора, Вадима Карелина, предполагаемого покупателя доли или третьего лица, предлагающего сделку, вносится в общий журнал в течение двух часов.

Матвей поднял глаза от листа.

— Почему именно Вадим?

— Потому что уведомление три недели находилось у него, а подрядчика по переезду рекомендовал его отдел, — ответила я.

— Этого недостаточно, чтобы включать его отдельной строкой.

— Достаточно, чтобы не скрывать контакт. Я не предлагаю назвать его виновным.

— Вадим работает со мной двенадцать лет.

— Поэтому ты можешь не заметить, когда защищаешь его удобнее, чем проверяешь.

Матвей провел большим пальцем по краю листа. Раньше после такой реплики он начинал объяснять, сколько кризисов они прошли вместе и почему доверие к руководителю нельзя отменить подозрением. Сейчас спросил:

— Правило действует и для твоих бывших сотрудников?

— Да.

— Тогда добавим Ладу Князеву и подрядчика по переезду.

Я посмотрела на Надежду.

— Добавьте.

Она вписала две строки.

— Шестое. Ни один из вас не заключает сделку по долгу, имуществу или доле компании, не предоставив другому полный текст, если сделка влияет на общую позицию. Это не право запрета. Это обязанность раскрытия.

— Срок? — спросил Илья.

— Немедленно после получения проекта, — сказала я.

— Немедленно — плохой юридический срок.

— Два часа, — предложила Надежда. — Как для контактов.

Матвей поставил подпись под листом первым. Я прочитала документ заново, проверила добавленные фамилии и подписала свой экземпляр. Юристы обменялись сканами.

Это не было договором о доверии. Нарушение не влекло штрафа и не возвращало прошлое. Лист определял только порядок сведений. Иногда этого достаточно для начала.

Надежда сразу предложила проверить, работает ли порядок в неудобной ситуации.

— У каждого сейчас есть сведения, которые другой стороне не понравятся, — сказала она. — Начнем с них.

Илья открыл договор займа.

— Матвей Романович получил его в марте позапрошлого года. На тот момент брак не был расторгнут. Деньги находились на личном счете меньше суток и затем были перечислены компании как заем участника. Решения участников нет, потому что Матвей Романович владел долей и оформил финансирование единолично.

— Законно? — спросила я.

— Для перечисления компании — да. Для внутреннего раскрытия участникам вопрос спорный по корпоративным документам.

— Они знали?

Матвей ответил сам:

— Кирилл знал о финансировании, но считал, что деньги мои. Инна не знала. Вадим готовил платежи и видел договор.

— Почему Кириллу не сказал источник?

— Не хотел обсуждать личный заем, пока не закрою его.

— Когда собирался сказать мне?

— Не собирался, если бы выплатил по графику.

Ответ был неприятным, зато не содержал привычного объяснения о защите семьи.

— В общий журнал, — сказала я.

Матвей продиктовал Илье точную формулировку: участникам источник денег раскрыт не полностью; Агнию не уведомили до заключения договора, о займе она узнала позже из банковского сообщения; финансовый директор имел копию договора. Илья внес сведения, добавил время и отправил запись всем участникам каталога.

— Теперь ваша часть, — сказал он.

Я открыла подготовленную справку лаборатории. В ней было указано, что старый акт подписан мной без присутствия, PIN-код сообщен Ладе, а два крупных клиента уведомлены о риске. Банк уже приостановил поручения.

Матвей дочитал до конца.

— Сколько вы теряете?

— Пока сто восемьдесят тысяч в месяц. Может стать больше.

— Страховка?

— Страховщик зарегистрировал событие. Покрытие определяют после проверки.

— Я могу компенсировать аудит как заказчик переезда.

— Это предложение касается наших расходов и вносится в журнал, — напомнила я.

— Вноси. Без условия о доступе и без признания ответственности лаборатории.

Надежда записала предложение отдельно. Мы не принимали его в комнате: требовалось проверить договор переезда и страхование подрядчика.

— Вот так и работает правило, — сказала она. — Плохая новость появилась до готового решения. Никто не умер.

— День еще не закончен, — заметил Илья.

Мы перешли к документам уступки. «Фортис Капитал» продал право требования «Ресурс Плюс» шестнадцатого сентября. Проект нашего мирового соглашения впервые отправили юристам девятого сентября. В нем значилась оценка лофта, сроки продажи и отсутствие общих долгов.

— Кто имел полный проект? — спросила Надежда.

— Мы четверо, оценщик и помощники юристов, — сказал Илья. — В компании только Матвей и Вадим видели расчет будущих поступлений от продажи.

— Почему Вадим?

— Он готовил план погашения действительного займа.

— Значит, знал, что после раздела Матвей получит свободные деньги, — сказала я.

Матвей перелистнул копию уведомления.

— Знал. Но уступка могла быть обычной сделкой. «Фортис» сокращает частное кредитование.

— Могла, — согласилась я. — Цена и контакты покажут больше.

Илья предложил запросить переписку с прежним кредитором и сведения о проверке покупателя. Надежда добавила

ходатайство об истребовании документов, подтверждающих восемнадцать миллионов.

— Если был наличный транш, у кредитора должны быть кассовые документы и источник средств, — сказала она. — Если деньги передавались Матвеем, должна быть не только расписка, но и отражение операции.

— В моих счетах ее нет, — ответил Матвей.

— Приложим выписки. Суду нужен документ, а не наша уверенность.

До перерыва мы заполнили карточки первых двенадцати файлов общего каталога. Для каждого указывали владельца оригинала, способ получения и допустимый круг доступа. Матвей предложил загрузить весь корпоративный архив. Илья отказался: там находились сведения клиентов и коммерческая тайна, не относящиеся к спору.

— Значит, фильтр делает человек, который может быть заинтересован, — сказала я.

— Фильтр делают два юриста по согласованному перечню, — ответил Илья. — Если возникнет спор, документ хранится у владельца до решения суда. Общий доступ не означает бесконтрольный.

Я приняла поправку. Защищенный каталог не должен был становиться оправданием для нарушения чужих прав.

Перерыв объявили на пятнадцать минут. Надежда и Илья вышли звонить. Мы с Матвеем остались в комнате, хотя каждый мог уйти в коридор.

— Девять тысяч за нейтральную переговорную, — сказал он. — Ты раньше выбрала бы мой офис.

— Раньше мы были женаты.

— Это не мешало тебе выставлять мне половину расходов на поездки.

— Потому что ты бронировал номер дорожке согласованного.

Он улыбнулся. Я тоже помнила тот спор: Прага, декабрь, гостиница возле моста и счет, который мы делили из принципа, хотя оба могли оплатить полностью.

— Я не предлагаю вернуться, — сказал Матвей.

— Хорошо.

— Просто пытаюсь понять, можно ли говорить о чем-то кроме дела.

— Сейчас нет.

— Принято.

Он открыл ноутбук и больше не проверял границу вопросами. Когда юристы вернулись, Матвей показал Илье письмо от Вадима, полученное во время перерыва. Вадим просил перенести внутреннюю проверку займа до встречи с «дружественным инвестором».

Сообщение поступило двадцать минут назад и уже находилось в общем журнале.

— Первый контакт, — сказала Надежда.

— Уложился в два часа, — ответил Матвей.

— Какова цель встречи? — спросила я.

— Вадим пишет, что инвестор готов купить часть моей доли и закрыть кассовый разрыв. Имя не указано.

— Ты ответил?

— Попросил полные реквизиты и письменное предложение. Встречу не подтвердил.

— Хорошо.

Матвей поднял брови.

— Это оценка поведения или допустимости доказательства?

— Оценка того, что правило пока работает.

— Тогда записываю как промежуточный результат.

— Теперь переезд, — сказал Илья. — Старое помещение лаборатории арендовала «Версия», но транспорт и временное хранение оплачивала «Северная линия».

— Почему? — спросила Надежда.

Я ответила раньше Матвея.

— В новом офисе требовалось усиление перекрытий под оборудование. Компания Матвея выполняла проект. Подрядчик задержал сдачу, поэтому «Северная линия» взяла на себя временный склад и переезд как часть компенсации.

— Подрядчика выбирал Вадим, — добавил Матвей. — По стандартной закупке. Я подниму предложения и договор.

— Кто координировал коробки со стороны лаборатории?

— Лада.

— Со стороны компании?

Матвей открыл письмо в телефоне.

— Финансовый отдел оплачивал. За прием временного склада отвечал помощник Вадима, Олег Суров.

— Он работает сейчас? — спросила я.

— Уволился летом. Переехал в Казань, по данным кадров. Надежда записала фамилию.

— Не ищем его самостоятельно и не звоним с вопросом «зачем вы украли токен». Запрашиваем документы и готовим официальное обращение.

— Завтра склад доступен? — спросила я.

— Старое помещение лаборатории освободили, но часть административного архива хранится на складе, — сказал Матвей. — Я организую доступ.

— Не ты. Тамара как директор запрашивает доступ к имуществу «Версии». Компания подтверждает оплату и список допущенных лиц.

— Хорошо.

Слово далось ему легче, чем утром первого дня. Возможно, он просто устал спорить. Я не стала приписывать ему изменение без достаточных оснований.

К концу двух часов у нас был список из двадцати семи документов, четыре запроса и дата предварительного заседания — шестнадцатое октября. Надежда закрыла блокнот.

— Последний вопрос. Вы оба понимаете, что сотрудничество по делу не отменяет конфликт интересов?

— Да, — сказала я.

— Понимаю, — ответил Матвей.

— И не используете общие встречи для обсуждения возвращения, вины и прочего, что нельзя приложить к ходатайству?

Илья усмехнулся.

— Надежда Павловна, вы хотите запретить людям разговаривать?

— Я хочу, чтобы они не спутали хороший вечер с доказательством по делу.

— Хороших вечеров не запланировано, — сказала я.

Матвей убрал подписанный порядок в папку.

— Это единственный пункт, который мы сегодня не фиксируем.

Я не ответила. Мы разошлись у лифтов: он с Ильей направо, я с Надеждой налево.

Через пять минут в общем каталоге появился договор на переезд. Заказчиком значилась «Северная линия», согласовал оплату Вадим Карелин. В приложении перечислялись услуги: упаковка, перевозка, временное хранение, уничтожение списанного оборудования.

Токены отдельной строкой не стояли.

Среди получателей закрывающих документов был только один сотрудник лаборатории — Лада Князева.

ГЛАВА 4. Архивный номер

Склад находился за Третьим транспортным кольцом, в здании, где соседствовали архивные компании, мастерская мебели и магазин сценического света. Тамара приехала раньше меня. Рядом с ней стоял Виктор Корнеев, специалист по внутреннему контролю, которого мы наняли для внешней проверки.

Матвей ждал у проходной вместе с представителем склада. Он не попытался войти с нами.

— Доступ оформлен на Тамару Ильиничну, вас и аудитора, — сказал он. — Я останусь в комнате администратора. Если понадобятся документы по оплате или приемке, принесу через сотрудника склада.

— Спасибо, — ответила Тамара.

Я промолчала. Матвей исполнил условие без обсуждения, и благодарить его за это мне казалось лишним. Одновременно я понимала, что раньше он вошел бы первым, потому что его компания оплачивала помещение и он считал бы себя ответственным за результат.

Представитель склада снял пломбу с секции при нас. Виктор записал номер, время и состояние двери. Внутри стояли металлические стеллажи и двадцать три коробки «Версии». Мы сверили их с описью.

Первая разница появилась на четвертом стеллаже.

— Коробка АД-17, — прочитала Тамара. — В описи здесь АД-18.

Виктор сфотографировал наклейку.

— Содержимое не открываем, пока не проверим весь ряд. Мы нашли АД-18 на нижней полке, где должна была стоять коробка с хозяйственными договорами. Хозяйственные договоры оказались в АД-23. Номера сместились, но количество совпадало.

— При обычной ошибке коробки меняются местами, — сказал Виктор. — Здесь наклейки переклеивали. Видите разницу в ленте?

Я видела. На части коробок использовали матовую клейкую ленту, на двух — прозрачную. Но мои наблюдения сейчас были наблюдениями владельца имущества, а не заключением эксперта.

— Фиксируем и продолжаем, — сказала я.

В коробке АД-17 по описи должны были находиться списанные системные блоки, накопители и ключевые носители. На ее крышке стояла отметка «Уничтожено. Акт 41/11».

Мы не имели причины ожидать содержимого. И все же Виктор вскрывал коробку медленно, снимая каждый слой ленты отдельно.

Внутри лежали два корпуса от старых компьютеров, кабели, мыши, пакеты с разрушенными флеш-накопителями и запечатанный конверт. Трех токенов не было.

— По акту их уничтожили до передачи коробки на склад,

— напостила Тамара.

— Тогда здесь должны быть фрагменты либо отдельная отметка, куда они переданы, — ответил Виктор.

Мы нашли пакет с надписью «Ключи ЭП». В нем лежали три пластиковые крышки от токенов и распечатанная фотография, та самая, что прилагалась к акту. Черные обломки на снимке нельзя было связать с конкретными номерами.

На обороте фотографии Лада написала: «Приложение 1». Ни даты, ни подписей комиссии.

Я вспомнила письмо, на которое ответила «Принято». Одно слово позволило мне перейти к следующему делу, не задав простого вопроса: что именно я принимаю?

— Агния, — позвала Тамара.

Я подняла голову.

— Работаем дальше.

Мы проверили журнал передачи. Коробку АД-17 принял Олег Суров, помощник Вадима. Вес при приемке составлял двенадцать килограммов четыреста граммов. При последней инвентаризации — одиннадцать девятьсот.

— Полкилограмма могли дать кабели, упаковка или ошибка весов, — сказал Виктор. — Не делаем вывод.

— Но запросим первичную накладную и данные весов, — добавила я.

— Запросим.

Представитель склада принес журнал за день приемки. Записи делали вручную, затем переносили в систему. В бу-

мажной строке вес АД-17 был исправлен: поверх двенадцати килограммов кто-то написал одиннадцать и поставил короткую подпись. Электронная карточка содержала первое значение.

— Кто имеет право исправлять? — спросил Виктор.

— Начальник смены, — ответил представитель. — Должна быть расшифровка на полях.

Расшифровки не было.

Мы запросили фамилии сотрудников. В ту смену работали двое, оба оставались в компании. Виктор предложил опросить их отдельно и попросил меня не присутствовать: я могла невольно подсказать значение коробки.

— Согласна. Вопросы пришлите Тамаре и юристу заранее.

Матвей находился за перегородкой. Он видел, как мы фотографируем журнал, но не подошел. Когда представитель склада понес документы в комнату администратора, Матвей отступил от стола и позволил сотруднику оставить папку без разговора.

В коробке нашлись четыре акта на уничтожение иной техники. У каждого были номер оборудования, фотографии до и после повреждения, фамилии трех членов комиссии и квитанция переработчика. Только акт по ключам состоял из страницы с общей фотографией.

— Порядок был одинаковым? — спросил Виктор.

— Должен был быть одинаковым, — ответила Тамара. — Ключи уничтожались внутри лаборатории, корпуса переда-

вались переработчику как электронные отходы.

— Почему их включили в коробку подрядчика?

— В акте не включили. Написали, что уничтожены до упаковки.

Я открыла перечень услуг по переезду. В нем была строка «вывоз списанного электронного оборудования по заявке заказчика». Номер заявки отсутствовал.

— Если Лада считала, что токены уничтожит подрядчик, она могла положить их целыми, — сказала я.

— А акт оформить заранее, чтобы закрыть список перед переездом, — добавил Виктор.

— Это версия. Не вносим как факт.

— Конечно.

Тамара посмотрела на меня.

— Ты всегда так разговариваешь с аудитором?

— Когда он формулирует мою рабочую гипотезу быстрее меня.

— Полезная привычка. Оставь ее и для собственных ошибок.

Мы составили отдельную таблицу движения АД-17. В старом офисе коробка появилась утром двадцать второго ноября. Вечером того же дня Лада создала скан акта. На следующий день коробку вывез курьер подрядчика. Через два дня склад принял ее от Олега Сурова. Между вывозом и приемкой прошло больше сорока часов, хотя дорога занимала меньше часа.

— Где она находилась? — спросила Тамара.

Представитель склада раскрыл накладную.

— У подрядчика была площадка временной сортировки. Адрес в Подольске.

— В договоре указано прямое перемещение, — заметил Виктор.

— Практически машины собирали грузы с нескольких точек.

— Практика должна отражаться в маршруте.

Представитель склада располагал сведениями только о приемке. Виктор запросил у перевозчика путевой лист, данные въезда и имя водителя. Получить их можно было только официальным запросом, поэтому быстрых ответов не было.

Я проверила наклейки на коробке. Под верхней, прозрачной, виднелся край прежней бумаги. Снимать ее без решения аудитора нельзя было. Виктор сделал снимки под углом и оформил изъятие коробки из обычного хранения. Ее переместили в отдельную секцию и опечатали после осмотра.

— Что там написано? — спросила Тамара.

— Вижу только буквы «ГП» и цифры, — ответила я. — Возможно, старая маркировка.

— «Гранит Проект»?

— Возможно. Для вывода нужно исследование, а не желание связать все сегодня.

Виктор предложил просветить слой наклейки в лаборатории. Я отказалась участвовать и попросила направить короб-

ку независимому специалисту, если маркировка станет значимой. Даже исследование клейкой ленты могло потом оказаться частью нашего дела.

— Удобно отстраняться от каждого интересного вопроса? — спросила Тамара, когда Виктор ушел оформлять пакет.

— Нет. Но удобство сейчас опаснее.

Мы продолжили осмотр. В хозяйственной коробке обнаружили пропуска подрядчиков. Их выдавали по спискам, присланным Ладой и финансовым отделом «Северной линии». За девять дней на территорию старого офиса входили четырнадцать человек. Олег Суров пришел дважды: в день вывоза серверов и в день передачи АД-17.

Его полномочия подтверждало письмо Вадима: «Прошу допустить сотрудника для контроля имущества, оплачиваемого компанией». Формулировка давала доступ к помещению, но не право распоряжаться носителями лаборатории.

— Я видела это письмо, — сказала Тамара. — Решила, что он проверит оборудование по счету.

— Лада могла решить то же самое.

— А могла спросить.

— Могла. Как и я могла проверить акт.

Я не защищала Ладу. Мне было важно не назначить ей умысел только потому, что ее подпись стояла рядом с моей.

Сотрудник старого склада согласился дать предварительное объяснение Виктору. Он помнил коробку из-за требования Сурова взвесить ее повторно. При первом взвешивании

масса показалась тому слишком большой. Суров вынул пакет с кабелями, оставил его в машине и попросил исправить запись. Сотрудник отказался, но начальник смены разрешил сделать новую отметку. Что еще находилось внутри, он не видел.

— Пакет с кабелями мог весить полкилограмма, — сказал Виктор после разговора. — Значит, разница получает бытовое объяснение.

— И не объясняет отсутствие токенов.

— Не объясняет.

Мы отметили факт без попытки сохранить подозрительную цифру ради удобной версии. Полкилограмма перестали быть доказательством. Одна сомнительная деталь ушла, а оставшиеся больше от нее не зависели.

Следующие полтора часа мы описывали содержимое. В АД-21 лежали карточки учета завершенных дел, которые по правилам хранились отдельно от самих материалов. Карточки содержали номер, заказчика, тип исследования, дату передачи и срок хранения. Я перебирала раздел за позапрошлый год, когда увидела знакомое сочетание букв.

ВД-218/Т.

Я остановилась. Номер относился к исследованию подписей в актах приемки работ. Заказчиком была страховая компания, спор возник у подрядчика, работавшего на реставрационном объекте. Название подрядчика в карточке: ООО «Гранит Проект».

Два года назад я видела в их документах подписи Матвея, которые отличались от свободных образцов. Материалы вернули заказчику после завершения исследования. Разглашать содержание я не могла. Но номер дела и факт его существования хранились законно.

— Нашла что-то? — спросил Виктор.

— Карточку старого дела, связанного с субподрядчиком «Северной линии».

Тамара подошла ближе.

— Того самого?

Она помнила наш разговор два года назад. Я тогда спросила, могу ли предупредить мужа, если в конфиденциальных материалах вижу возможный риск для его компании. Тамара ответила: могу сообщить только о самом риске, не раскрывая заказчика, документы и выводы.

— Да.

— В общий каталог передаем только карточку после согласования с юристом.

— Понимаю.

Я сфотографировала обложку раздела и номер, не открывая иных карточек. Затем написала Надежде: «Обнаружен учетный номер завершеного конфиденциального исследования, связанного с субподрядчиком компании Матвея. Нужно определить допустимый объем раскрытия».

Она позвонила почти сразу.

— Содержание у тебя осталось?

— Нет. Материалы возвращены заказчику. Только карточка учета.

— Можешь подтвердить, что тогда предупреждала Арсеньева о риске?

— Есть мое письмо ему. Без названия заказчика.

— Не обсуждай подробности на складе. Пришли мне карточку и письмо. Решим, что передавать.

Когда я завершила звонок, Матвей стоял за прозрачной перегородкой комнаты администратора. Он не мог слышать, но увидел, что я держу карточку. Я попросила сотрудника склада пригласить его в коридор, не в секцию.

Матвей вышел через минуту.

— Что нашли?

— Учетный номер дела. Два года назад я исследовала документы субподрядчика твоей компании.

Он не задал вопрос о выводе сразу.

— Это связано с письмом, после которого я начал внутреннюю проверку?

— Да.

— Почему ты говоришь сейчас?

— Потому что карточка может объяснить, откуда взяли образцы твоей подписи и почему кто-то знал о слабом месте. Содержание материалов я все равно не раскрою.

— Подрядчик?

— После согласования с юристом назову то, что можно подтвердить карточкой.

— Я не прошу нарушить обязательства.

Фраза прозвучала спокойно. Два года назад он просил объяснить, почему я требую проверить финансовый блок, и раздражался, когда я отвечала общими словами. Теперь между нами лежали последствия той осторожности.

— Компания называлась «Гранит Проект», — сказала я.

— Исследование касалось подписей в актах приемки. Это все, что указано в учетной карточке.

Матвей достал телефон, но не начал звонить.

— Они работали на объекте в Басманном районе. Кон-тракт закрыт с убытком.

— Кто курировал расчеты?

— Вадим. Но на том объекте он курировал все финансы.

— Поэтому это пока только направление проверки.

— Ты тогда видела мою подпись среди спорных?

Я могла ответить только в пределах сведений, которыми уже располагал носитель подписи. Матвей знал, что подписи были его.

— Да.

— И написала мне одно письмо.

— Я предложила провести проверку полномочий подписантов и доступа к актам.

— Точную фразу помнишь?

Я помнила. Эксперты редко полагаются на память, но некоторые формулировки остаются из-за того, что после них произошло.

— «Проверь не суммы, а право людей подписывать документы от твоего имени».

Матвей опустил телефон.

— Вадим предложил проверить движение денег. Я согласился.

— Я знаю. Ты прислал мне чистый отчет и написал, что оснований для тревоги нет.

— Почему не сказала, что проверили другое?

— Потому что ты не прислал задание на проверку. Только итог.

— Можно было спросить.

— Можно было показать мне задание до того, как ты принял итог.

Мы стояли в проходе между складскими секциями. Рабочий вез тележку с коробками и попросил освободить дорогу. Мы отошли к стене.

— Я тогда решил, что ты не доверяешь моей команде, — сказал Матвей.

— Я не доверяла конкретным документам.

— Но не могла объяснить почему.

— Могла объяснить границу. Не сделала достаточно ясно.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Это признание?

— Это факт. Не используй его как скидку на свой заем.

— Не собираюсь.

Тамара открыла дверь секции.

— Агния, нам нужен акт по последнему стеллажу.

— Иду.

Матвей сделал шаг назад, освобождая проход.

— Я подниму документы по «Гранит Проект». Передам через юристов.

— Только корпоративные. Клиентские материалы не ищи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.